

Раньше Чжун Даонань был холодным и консервативным монахом, всецело преданным Дао. Вознесение было его целью. Но появление Сяо Шитоу, его нежность и множество мелких, тайных поступков, которые дарили ему счастье, выгравировали образ Сяо Шитоу в его сердце.

Мягкий Сяо Шитоу, добрый Сяо Шитоу.

Сяо Шитоу, который, несмотря на страх, оставался сильным.

Сяо Шитоу, который ради него мог пойти на риск, даже если был ранен, прятал свои раны и встречал его застенчивой улыбкой...

Но все эти прекрасные картины начали исчезать после смерти Сяо Шитоу.

Он даже не мог вспомнить, сколько лет провел в безумии.

В те годы после смерти Сяо Шитоу сердце Чжун Даонаня было разбито, его одолевали навязчивые мысли, и он пал под власть демона. Его глаза были полны безумного красного цвета, и он только убивал, убивал, убивал...

Чем больше он сходил с ума, чем больше страдал, тем сильнее становился.

Когда он практически разрушил весь мир культивации, он наконец пришел в себя от этого безумия и... одним рывком преодолел несколько больших этапов, войдя в период Преодоления Кары.

В мире культивации это, вероятно, стало бы шокирующей шуткой.

Демонический культиватор, сошедший с пути Дао, истребивший почти весь мир культивации, вдруг собирался вознестись на месте.

Если бы практика была такой простой, все бы, вероятно, предпочли путь демонического культиватора.

Грозная кара Чжун Даонаня, естественно, отличалась от других. После совершения стольких убийств его карой стали Тайнственный Гром Девяти Небес и Небесный Огонь. Это было не только ужасающее зрелище, сокрушающее все на своем пути, но и территория в радиусе тысячи ли вокруг Чжун Даонаня была выжжена Тайнственным Громом так, что там не осталось ни травинки. А внутри этой ужасной кары скрывался Огонь Сердца, испытывающий сердце Дао Чжун Даонаня.

Внутренний демон... появился тогда.

Из-за множества причин, переплетенных вместе.

Если бы он сделал шаг вперед, он смог бы вознестись, что было мечтой многих.

На самом деле испытание сердца грозой не было таким ужасным, оно больше походило на выбор: сделать шаг вперед или назад. Шаг вперед — он вознесется и покинет этот мир, все прошлое станет как дым, и ничто в этом мире больше не оставит следа в его сердце.

Даже Сяо Шитоу, который когда-то стал его навязчивой идеей, если они встретятся в будущем, это будет лишь мимолетная встреча. Возможно, они станут обычными друзьями, которые иногда здороваются при встрече.

Если же шагнуть назад...

...Даже подумать о том, что если они встретятся в будущем, даже если это будет следующая жизнь Сяо Шитоу, они больше не будут связаны, было невыносимо больно.

Сяо Шитоу больше не будет зависеть от него, смотреть на него, любить его, застенчиво говорить, что любит его.

Сяо Шитоу больше не будет радоваться его присутствию, не будет чувствовать счастья от его поступков.

...Это было невозможно представить и принять.

Поэтому он вернулся, наконец вернулся... когда ничего еще не произошло.

На этот раз они обязательно обретут счастье.

Чжун Даонань встал и вышел во двор.

Ночь в деревне Няньцин стояла черной, ветер в лесу шелестел листвой, а тени навевали страх.

Лошадь, которая днем везла повозку Чжун Даонаня и Сяо Шитоу, стояла во дворе и спала, изредка фыркая, казалось, что она спит крепко. Так как двор защищал от ветра, лошадь не чувствовала его влияния.

Чжун Даонань медленно подошел к воротам и, глядя на эту тьму, оставался невозмутимым, его лицо не выражало никаких эмоций. Он взмахнул рукавом перед собой, и черная тень прилетела из деревни Няньцин, опустившись рядом с ним.

Это была тень, окутанная черным туманом, и было трудно разглядеть, как она выглядит. Но по силуэту можно было понять, что это был мужчина крепкого телосложения.

Тень упала на землю и, казалось, долго приходила в себя, прежде чем медленно подняться. В свете луны она выглядела полупрозрачной. Она, казалось, боялась Чжун Даонаня, медленно отползая назад, ее тело дрожало, а рот механически повторял что-то.

Если бы подойти ближе, можно было бы услышать, что он шептал только одно слово:

— Цин...

— Неужели даже разум полностью исчез? — Глаза Чжун Даонаня были темны, и это была та сторона, которую он никогда не показывал Сяо Шитоу.

Когда Сяо Шитоу рассказал ему, что видел во сне, Чжун Даонань внешне оставался спокойным, но внутри его охватила ярость.

Способность Сяо Шитоу пробудилась гораздо раньше, чем в прошлой жизни, вероятно, из-за того, что он нашел его раньше и держал в месте, богатом духовной энергией, на пике Шицзюэ.

Но в сердце Чжун Даонаня, если Сяо Шитоу и должен был войти в чей-то сон, это должен был быть его сон. Однако эта тень, хотя и лишённая разума, обладала слишком сильными эмоциями, которые повлияли на Сяо Шитоу, заставив его увидеть те вещи, что вызвало у Чжун Даонаня сильное недовольство.

Тень, хотя и лишённая разума, очень боялась Чжун Даонаня и продолжала дрожать.

Чжун Даонань смотрел на тень долгое время, затем махнул рукой, и тень исчезла в его рукаве.

Как только Чжун Даонань закончил, внутренний демон тихо рассмеялся:

— Ты не убил его?

Если бы это был Чжун Даонань из прошлой жизни, погрузившийся в безумие, он бы без колебаний убил этого призрака.

— Я не такой, как ты, — тихо ответил Чжун Даонань.

— О? — Голос внутреннего демона понизился, наполненный злобной насмешкой. — Чем ты отличаешься от меня? Я... ведь и есть ты?

Когда Чжун Даонань вернулся в комнату, он двигался тихо, но, как только он лег на кровать, Сяо Шитоу, который, казалось, спал, подкатился к нему и тихо позвал:

— А-Нань.

— ...Мм?

— А-Нань, ты наконец вернулся.

— Я разбудил тебя?

— ...Нет, просто, когда А-Нань ушел, Сяо Шитоу проснулся.

Хотя они укрылись тонким одеялом, без тепла тела Чжун Даонаня Сяо Шитоу не мог согреться, сколько бы одеял на него ни накинули.

Чжун Даонань повернулся к Сяо Шитоу и обнял его:

— А-Нань теперь вернулся.

Чжун Даонань не сказал, куда он ходил, а Сяо Шитоу не спрашивал. Как только Чжун Даонань вернулся, сердце Сяо Шитоу успокоилось. Из-за ночного кошмара и долгого плача Сяо Шитоу был очень уставшим, поэтому он сонно пробормотал что-то и уже собирался заснуть.

Но перед самым сном Сяо Шитоу вдруг вспомнил одну вещь и спросил:

— А-Нань, а где мои маленькие камешки?

Сяо Шитоу помнил, что, когда он плакал, на кровать упало много маленьких камешков, но раньше он не заметил, когда они исчезли.

Чжун Даонань тихо рассмеялся у его уха, и этот смех заставил Сяо Шитоу почувствовать, как он нагревается:

— Я убрал эти камешки.

— Куда ты их убрал? — Сяо Шитоу заинтересовался. — В сумку Цянькунь?

Чжун Даонань улыбнулся, его глаза полны нежности:

— Я убрал их туда, где их никто не найдет. — Эти слезы Сяо Шитоу, хоть и были просто камешками, были уникальными.

Снаружи начало светать, и в горах запели птицы.

Сяо Шитоу проснулся естественным образом, чувствуя, что А-Нань спит рядом, и его сердце наполнилось сладостью, он был счастлив до невозможности.

Хотя ночью он просыпался несколько раз, теперь он чувствовал себя прекрасно.

Он посмотрел на А-Наня, который спал спокойно, и вспомнил о множестве поцелуев прошлой ночи, и весь он стал как в тумане. Ему казалось, что все это было сном, но ощущение мягких губ А-Наня было таким реальным, что Сяо Шитоу сожалел, что еще не обрел человеческий облик.

Если бы он был человеком, он мог бы украдкой поцеловать А-Наня, не боясь, что, подкатившись к нему, он придавит его своим телом.

Это действительно было большой проблемой для камня.

Задумавшийся Сяо Шитоу смотрел на спящее лицо А-Наня, пока тот не открыл глаза и не поздоровался. Сяо Шитоу с опозданием отреагировал и глупо ответил.

<http://bllate.org/book/16582/1514884>